

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 260–261.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 260–261.

ЗЕРКАЛО ГУТЕНБЕРГА

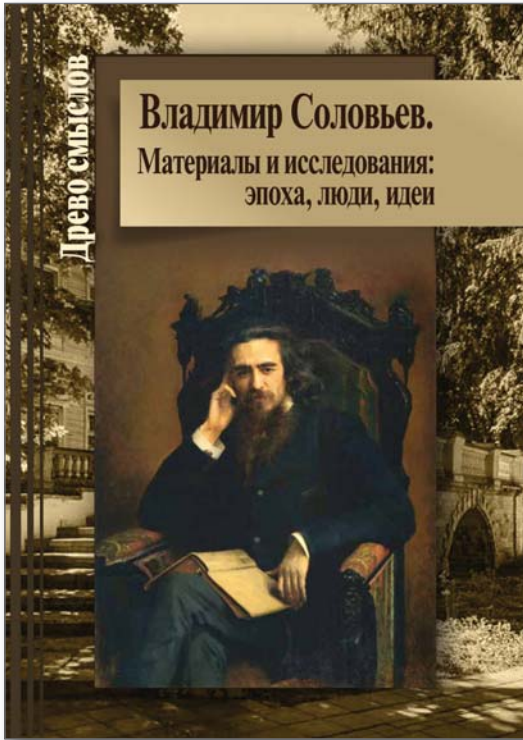
Редакция журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» представляет читателю новые книги, вышедшие в 2024 году

Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век / сост. Р. А. Гальцева — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 592 с. (Серия «Российский Атенеум»)

Пушкин — это не только уникальный феномен русской литературы, но и непокоренная вершина всей мировой культуры. «Лучезарный, всеобъемлющий гений, светозарное преизбыточное творчество, — по характеристике Н. Бердяева, — величайшее явление русской гениальности». В своей юбилейной речи 8 июля 1880 года Достоевский предрекал нам завет: «Пушкин... унес с собой в гроб некую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». С неиссякаемым чувством благоволе-

ния к человеку Пушкин раскрывает нам тайны нашей природы, предостерегает от падений, вместе с нами слезы льет... И трудно представить себе более родственной, более близкой по духу интерпретации пушкинского наследия, этой вершины «золотого века» русской литературы, чем постижение его мыслителями «золотого века» русской философии (с конца XIX) — от Вл. Соловьева до Петра Струве. Но к тайнам его абсолютного величия мы можем только нескончаемо приближаться...

Владимир Соловьев. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи / отв. ред. В. В. Сидорин. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 516 с. (Серия «Древо смыслов»).

Значение Владимира Соловьева для формирования отечественной философской культуры было признано как современниками, так и последующими поколениями русских мыслителей, деятелей культуры, широкой читательской аудитории. Реконструкция развития философской мысли во всей ее полноте, нелинейности, полемической напряженности и тесном взаимодействии с контекстом позволяет, с одной стороны, предельно внимательно

учесть творческую лабораторию автора и окружающий ее контекст, с другой стороны — создает условия для обогащения эвристического потенциала возможных интерпретаций. Книга раскрывает самые разнообразные — зачастую малоизвестные, а то и неизвестные вовсе — аспекты и сюжеты творческого наследия Вл. Соловьева и его последующей рецепции.